

УДК 37.03:159.923

МЕДИЙНЫЙ ПОРТРЕТ ИНДИВИДА КАК ОСНОВА ВЫЯВЛЕНИЯ ДЕСТРУКТИВНОГО СТИЛЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МОЛОДЕЖИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

¹Ванчакова Н.П., ²Богатырёв А.А., ¹Красильникова Н.В.,
³Гайфулина Д.А., ³Котенко И.В., ³Браницкий А.А.

¹Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет им. акад.
И.П. Павлова, Санкт-Петербург, e-mail: nataljakrasilnikova@yandex.ru, vanchakova@spb-gmu.ru;

²ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»,
Москва, e-mail: aa.bogatyrev@mpgu.edu, bogatyria67@gmail.com;

³Санкт-Петербургский институт информатики и автоматизации
Российской академии наук (СПИИРАН), Санкт-Петербург,
e-mail: gaifulina@comsec.spb.ru, ivkote@comsec.spb.ru, branitskiy@comsec.spb.ru

В статье приводится обоснование понятия медийного портрета индивида как методологической основы выявления эпизодов деструктивного поведения молодежи в социальных сетях, а также разработки подходов и методов педагогической профилактики подобного поведения. Предлагается феноменологический подход к описанию явления агрессии в социальных сетях с учетом особенностей современного медиапространства и его структурно-функциональных компонентов, позволяющих фиксировать проявления деструктивного сетевого поведения. Представлены результаты анализа 300 единиц экстремистских медиасообщений с целью выявления формальных проявлений агрессивного поведения в социальных сетях. Определяются стилевые маркеры текстов и сообщений экстремистской направленности, характерных для группы риска в среде молодежи, проявляющей активность в социальных сетях. Описываются признаки деструктивности медийной личности в процессе межличностного взаимодействия в социальных сетях, проявляющиеся в систематических нарушениях установленных правил сетевого этикета и агрессивном коммуникативном поведении. Приведенная в статье феноменология деструктивного коммуникативного поведения пользователей может применяться при составлении медийного портрета пользователя социальных сетей, обладающего определенным психологическим содержанием, а также для выявления групп рискованного медиаповедения. Предлагаемый конструкт медийного портрета индивида позволяет разрабатывать квазипсихограму пользователя социальных сетей, отражающую склонность к импульсивному и деструктивному коммуникативному поведению в экстремистских форматах его проявления.

Ключевые слова: социальная сеть, маркеры деструктивной коммуникации, медиатекст, дискурс ненависти, признаки экстремистского сообщения; сетевой этикет, медийный портрет индивида, медиаобразование, профилактика экстремизма

MEDIA PORTRAIT OF AN INDIVIDUAL AS A BASIS FOR IDENTIFYING THE DESTRUCTIVE STYLE OF INTERACTION OF YOUNG PEOPLE IN SOCIAL NETWORK

¹Vanchakova N.P., ²Bogatyrev A.A., ¹Krasilnikova N.V.,
³Gayfullina D.A., ³Kotenko I.V., ³Branitskiy A.A.

¹Pavlov First Saint Petersburg State Medical University, St. Petersburg,
e-mail: nataljakrasilnikova@yandex.ru, vanchakova@spb-gmu.ru;

²Moscow Pedagogical State University, Moscow, e-mail: aa.bogatyrev@mpgu.edu; bogatyria67@gmail.com;

³St. Petersburg Institute for Informatics and Automation of Russian Academy of Sciences (SPIIRAS),
St. Petersburg, e-mail: gaifulina@comsec.spb.ru, ivkote@comsec.spb.ru, branitskiy@comsec.spb.ru

The paper substantiates the concept of media portrait of an individual as a methodological basis for identifying episodes of destructive behavior of young people in social networks, as well as the development of approaches and methods of pedagogical prevention of such behavior. The proposed phenomenological approach includes a description of the phenomenon of aggression in social networks, taking into account the features of the modern media space and its structural and functional components, allowing recording the manifestations of destructive network behavior. We present the results of the analysis of 300 units of extremist media messages to identify formal manifestations of aggressive behavior in social networks. These results contain certain stylistic features of texts and messages of extremist content characteristic of the risk group among young people who are active in social networks. The paper describes the signs of media personality destructiveness in the process of interpersonal interaction in social networks, manifested in systematic violations of the established netiquette rules and aggressive communicative behavior. The phenomenology of destructive communicative behavior of users presented in the paper can be used in the preparation of a media portrait of a social network user, which has a certain psychological content, and the subsequent identification of groups of risky media behavior. The proposed construct of the media portrait of an individual allows developing a quasi-psychogram /psychic profile/ of the user of social networks, reflecting the tendency to impulsive and destructive communicative behavior and forms of its manifestation.

Keywords: social network, media-text, netiquette, hate speech, verbal markers of extremist message, media portrait of an individual, media-education

В настоящее время социальная сеть представляет собой обширное медиaprостранство, открытое для межличностной коммуникации и самовыражения пользователей сети Интернет, пользующееся популярностью в молодежной среде. Социальные сети позволяют делиться личными данными, включающими различные взгляды на жизнь, интересы и хобби, фото-, аудио- и видеоматериалы. Эта и подобная информация составляет своеобразный автопортрет пользователя в медиaprостранстве. По аналогии с речевым портретом того или иного человека в беседе, в настоящем случае можно опереться на конструкт медийного портрета индивида, осуществляющего коммуникацию в виртуальном медиaprостранстве социальной сети. *Медийный портрет* индивида обладает психологическим, этическим и коммуникативным содержанием, отображаемым в конкретных коммуникативных поступках и стилистике порождаемого медиатекста и медиаобращения. Лингвистический и семиологический анализ коммуникативного поведения активных пользователей социальных сетей открывает новые возможности для исследования личностных черт, в том числе таких, как построение и проверка предсказательных моделей о личностных чертах индивидов и их поведении в социальных сетях [1].

Социальные сети открывают перед человеком возможности для радости созидания и творчества, но порой становятся средой проявления деструктивного коммуникативного поведения пользователей, носящего экстремистский характер и включающего высказанное нетерпимое отношение и разрушительные действия индивида по отношению к другим людям или к самому себе. В данном случае под *экстремизмом* понимается деструктивный образ коммуникации как поправки системы этических норм общественной морали, гуманности и культуры, отвечающих конечным целям человечества, а также как радикальный и при этом тупиковый способ разрешения социальных противоречий.

Сетевой экстремизм в данном случае рассматривается в первую очередь как способ и форма антиобщественного поведения индивида в коммуникативном пространстве социальной сети. Экстремистское коммуникативное поведение в медиaprостранстве является нарушением этических, культурных и правовых норм межличностного общения.

Цель исследования: обоснование понятия *медийного портрета* индивида как методологической основы для выявления эпизодов деструктивного поведения моло-

дежи в социальных сетях, а также для разработки путей и способов педагогической профилактики подобного поведения. В задачи статьи входит аналитическое описание и типология проявлений экстремистского медиадискурса с учетом его содержательных и формальных, в данном случае – преимущественно стилевых признаков.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили 300 единиц признанных экстремистскими медиасообщений, Методологическую основу исследования составляет феноменологический подход к описанию явления агрессии в социальных сетях с учетом особенностей современного медиaprостранства и его структурно-функциональных компонентов. Феноменологический подход на практике представляет собой совершенствование методик социальных исследований с учётом человеческой индивидуальности, тем самым позволяя исследовать то, что отражается в сознании человека через полное описание характеристик его переживаний [2]. Задачей феноменологического исследования является точное описание определенного содержательного аспекта человеческого опыта при помощи выделения основных смысловых блоков этого опыта в качестве результата. В рамках описанного подхода производится описание сетевых явлений в социальной среде, связанных с ними терминов и понятий, филологических методик выявления маркеров агрессивного поведения в сетях и признаков *деструктивной медийной личности* как субъекта коммуникации.

Профилактика экстремизма – задача педагогическая. Как отмечает А.В. Федоров [3], начиная с 1960-х гг. в педагогике ведущих стран мира интенсивно развивается такое перспективное направление, как *медиаобразование*. В его задачу входит *формирование медиакультуры* индивида, предполагающей понимание им языка средств массовой информации, умение и готовность анализировать медиатексты, а значит – должный уровень развития готовности к метамедийной и метакоммуникативной рефлексии и саморефлексии. Рефлексия есть осуществляемая человеком разумная критика явлений, событий и действий с учетом пределов эффективности самого критического инструментария. Метамедийная рефлексия определяется направленностью рефлексии на критику оптимальности / адекватности / уместности выбора медийной среды, средства и формата коммуникации в условиях возможного выбора (например, обсудить спорный

вопрос в беседе с человеком при личной встрече или опубликовать гневное послание в сетях в режиме «видно всем»). *Мета-коммуникативная рефлексия* определяется направленностью рефлексии на критику способа, метода, жанра и стиля коммуникации в терминах целесообразности, культуры, уместности, корректности, оправданности и эффективности. Понятие саморефлексии определяется критической направленностью рефлексии человека на образ самого себя как субъекта жизни и деятельности в социально-смысловых контекстах. Готовность индивида к рефлексии своих поступков и саморефлексии выступает признаком зрелости и социальной ответственности.

Под понятием *медийной личности* имеется в виду обобщенная характеристика индивида как субъекта коммуникативной активности в медиaprостранстве (в данном случае – в медиасетях). Медийная личность характеризуется как ответственный субъект коммуникативных поступков в медиaprостранстве. Понятие медийной личности можно рассматривать как производное по отношению к ключевому в лингводидактике и филологической герменевтике Г.И. Богина понятию *языковой личности* [4, с. 3]. Единицей оценки в случаях типологического и характерологического исследования медийной личности (как и языковой личности) выступает *коммуникативный поступок индивида*, определяющий нравственное содержание конкретного коммуникативного эпизода и коммуникативного события в целом. При этом *целостный подход* к исследованию медийной личности индивида должен включать наряду с критикой вербального компонента медиасообщения анализ невербальных компонентов медиаобщения, таких как стиль оформления веб-страницы, фотографии и иные изображения, использование элементов видео- и аудиоряда [5].

В современных исследованиях медиакommunikации приняты такие опорные термины, как «медиасообщение» и «медиа-текст». Медиасообщение есть сообщение, медийная форма представления и среда существования которого трактуются как значимые с точки зрения его функционирования. Медиа-текст есть семиотический объект, обладающий коммуникативной функцией и выступающий основной сегментной единицей анализа содержательности медиасообщения. Феноменологическое описание и критика экстремистского медиасообщения (или также так называемого «поста») как текста может производиться с различных позиций:

1) идеологической – для определения мировоззрения индивида;

2) юридической – для квалификации сообщения с точки зрения экстремистского контента;

3) фактологической – для определения достоверности сообщаемых сведений;

4) психологической – для определения особенностей направленности и функционирования психической деятельности человека;

5) лингвистической – для определения риторических аспектов использования языка;

6) дизайнерской и эстетической.

Разумеется, все компоненты содержательности медиатекста тесно взаимосвязаны. В рамках исследования был произведен анализ 300 единиц экстремистских медиасообщений социальной сети ВКонтакте и выявлены некоторые наиболее характерные особенности смысловой, дизайнерской и лингво-риторической организации экстремистского медиатекста.

Результаты исследования и их обсуждение

Полученные результаты исследования позволили выявить и сгруппировать стилистические признаки медиатекстов и медиасообщений, характерные для группы риска в среде молодежи. Выделены следующие рекуррентные косвенные стилевые маркеры сетевой агрессии, отражающие деструктивный характер порождаемого медиатекста / ресурса, делимые на (а) «психологические» (1-5), (б) «символические» / дизайнерские (6-11) и (с) лингвистические (12-20). Последние в наибольшей мере допускают формализацию и автоматизацию мониторинга показателей деструктивности на широком массиве данных.

1. Бедная и высокополяризованная *эмоционально-смысловая гамма* сообщений (только два цвета для оценки людей и поступков – черный и белый). Отсутствие полutoнов в описании ситуации и в оценочных высказываниях.

2. Шаблонное миропонимание, отражающееся в повторении одного и того же тезиса с деструктивным посылом. Отметим, что природа любого текста диалогична, однако качество диалогических отношений варьирует в зависимости от конкретной риторико-герменевтической программы текста [6, с. 89].

3. Низкий тонус критической рефлексии и саморефлексии в отношении оснований занимаемой позиции по обсуждаемому вопросу.

4. Доминантный стиль ведения серии сообщений, проявляющийся среди прочего в поляризации сентиментальной и гневно-

угрожающей тональностей, сопровождающих обращения к различным (близким либо враждебным) социальным группам.

5. Присвоение продуцентом текста права «читать» мысли других людей, игнорируя интересы и право другого человека на самостоятельное самовосприятие и самооценку.

6. Демонстрация иллюстрирующих противостояние «светлых» и «темных» сил изображений пугающего содержания, сопровождаемая вербальными угрозами или высказываниями страха и трепета перед некими зловещими агрессивными силами.

7. Использование нагруженной агрессивными бойцовскими ассоциациями символики, например изображений нападающих, терзающих добычу или охотящихся хищников (а также вампиров, чудовищ и пр.). Означенного рода эмблематика обычно сопровождается вербальными текстами, насыщенными предикациями на основе агрессивного жаргона, включающего *пугативные* глагольные образования «ударить», «покалечить», «выбить», «убить», «уничтожить», «добить» и т.д. [7]. Также используется «атмосферная» музыка.

8. Тенденция к употреблению масштабных символов высокого ранга (государственных, религиозных, национальных) в трактовке несоразмерных по масштабам и смыслу ситуаций.

9. Использование символики, отражающей образ пленника или жертвы, например изображений раненых или запертых в клетках зверей или птиц. Интенсивность ее значения подчеркивается сопровождающими текстами соответствующей тематики – невыносимого положения, нестерпимой боли, озлобленности на общество, угрозами мести и призывами к эксцентричному поведению. Агрессивная и жертвенная символики могут коррелировать как с идеей причинения страданий другим людям, так и с идеей саморазрушения, а также с нарциссической психологической акцентуацией медиальности автора сообщения.

10. Использование некоей эзотерической символики, отражающей или индуцирующей представление об исключительности данного интернет-ресурса как источника жизненно-важной информации для человечества и абсолютной власти.

11. Применение тайнописи – языка закодированных посланий. Характерно также сочетание тайнописи с применением пугающей и эзотерической символики.

12. Эмоционально-оценочная лексика выступает как ключевой компонент высказывания, текста. При этом такие энергетические функции языка и общения, как

экспрессивная и конативная, вытесняют референтивную и рефлексивную функции.

13. Чрезмерное употребление восклицательных знаков, сопровождающее гневную интонацию автора или негативную стилистическую тональность текста.

14. Злоупотребление заглавными буквами, наряду со злоупотреблением восклицательными знаками отражающее крайнюю степень экзальтации продуцента медиасообщения.

15. *Дерогативная лексика* – наборы средств прямой или косвенной номинации, содержащих сниженную образность либо пейоративные коннотации с соответствующим негативно-оценочным шлейфом, характерным для дискурса с низким интеллектуальным и рефлексивным тоном. Сюда же следует отнести авторскую манеру ставить оппонентам диагнозы и использовать оные в качестве инвективного и дерогативного инструментария.

16. Употребление *деспотивов* – функционального типа высказываний, связанных с демонстрацией безграничной власти над другим человеком.

17. Активное использование *менасивных* (угрожающих) высказываний.

18. Лингво-риторическая стратегия, построенная на образах потайных, неясных и двусмысленных сигналов и некоего катакомбного сопротивления. Тайнственное «мы» автора борется с глубоко закодированным «Они».

19. Призывы к группе лиц, носящие анонимный характер или распространяемые от лица виртуального медиаперсонажа.

20. Призывы к группе, связанные с организацией травли человека в сетях.

Приведенная феноменология деструктивного коммуникативного поведения позволяет выявить группы рискованного поведения и составить медийный портрет пользователя социальной сети, обладающий определенным индивидуализированным социально-психологическим содержанием. Приведенные стилевые маркеры сетевой агрессии в ряде случаев могут носить характер достаточно безобидной иронической игры, но также могут приобретать особую весомость в случае системной актуализации сомнительным ресурсом ансамбля означенных маркеров в контексте *дискурса ненависти* к определенной группе лиц.

С точки зрения квалификации или содержательной оценки *меры деструктивности* коммуникативного поведения медийной личности в социальной сети представляется целесообразным применение ранее предложенной «шкалы оценки деструктивности» [8; 9], позволяющей отслеживать

меру социальной направленности деструкции и агрессии. Психологическая шкала деструктивности включает семь ступеней: (1) выраженное разочарование; (2) агрессивный протест; (3) демонстрационная агрессия; (4) обращение общего внимания на себя и невербальный призыв к общему протесту; (5) поиск тех, кто испытывает те же чувства; (6) посыл или призыв «делай как я в виртуальности»; (7) посыл или призыв «делай как я в реальности» (содержит призыв к конкретным действиям) [9].

Эти ступени шкалы деструктивности отражают процесс формирования системной вовлеченности индивида в протестное движение, переходящее из виртуального в реальное пространство противоборства и деструкции определенных «враждебных сил», реальных лиц и социальных институтов. Исследователями сетевой агрессии также указывается на чувство раскованности и переживание безнаказанности в условиях расширенной свободы выражения взглядов, не стесненной прямым контактом с тем или иным оппонентом и прогнозируемыми последствиями самовыражения [10, р. 1]. Более того, по некоторым полученным на основе опроса данным, ненависть понимается пользователями сетей не как разрушительное для личности чувство, а как такое, которому сопутствуют и за которым следуют некоторого рода «благоприятные» гедонистические переживания [11, р. 185].

Следует также отметить, что признаки деструктивности медийной личности в процессе взаимодействия в социальных сетях проявляются в систематических нарушениях установленных правил социальной сети; демонстрации проявлений проактивной и реактивной агрессии – *флейма* (от англ. flame – огонь, пламя), а также в таком жанре коммуникативного поведения, как *троллинг* (от англ. trolling – «ловля на блесну»). Заметим, что именно *пожарная, огневая и разрывная метафоры* играют ведущую роль в глубинной форме понятия «ненависти» в русском языке [см. примеры, 11, р. 173, 174]. В общем приближении флейм выступает «спором ради спора» с примитивным выбросом негативной эмоциональной энергии (оскорбления, угрозы). Однако определенные категории флейма, например, ‘indirect satirical’ («непрямой / политкорректный иронический») могут представлять трудность для систем автоматического распознавания [10].

Троллинг представляет собой скрытную и расчетливую стратегию коммуникативного поведения, направленного на доведение оппонента до состояния крайнего раздражения и отчаяния [12], а также до комму-

никативного события «потери лица». Основой выявления троллинга должен служить анализ серии коммуникативных действий и динамики образа их адресата. В коммуникативном и социально-психологическом контексте троллинг отвечает определению «черной риторики» – системы коммуникативных транзакций, «внешне всегда лишенных подтекста, но на самом деле подчиненных каким-либо скрытым, по сути своей абсолютно эгоманиакальным и эгоцентрическим мотивам» [13, с. 20].

Социологические источники некорректного поведения в сетях различные исследователи нередко склонны объяснять специфичностью (в отдельных случаях криминализированностью) опыта и контекстов групп пользователей [14], возникающим в глобальной коммуникации конфликтом на почве соприкосновения контрастных ценностно-смысловых систем [10, р. 1]. Как известно, в категорию экстремистской деятельности входит разжигание ненависти. Ненависть может быть направлена на некоторое негативно оцениваемое явление или на его носителя. Уже у древних римлян существовала фраза, посвященная *эмоциональной экологии и культуре чувств* благородного человека. «*Non hominem odi, sed eius vitia* – «Не человека ненавижу, а лишь его пороки». Однако дискурс ненависти (англ. ‘hate speech’) направлен именно на людей, выделяемых как группа на основе некоторых групповых признаков [15, р. 464]. Говоря о семантике экстремистских посланий, следует отметить, что экстремистский текст отрицает принцип гуманизма, согласно которому человек является величайшей ценностью [16, р.13]. Это отрицание распространяется на человеческую жизнь и право на жизнь. Отсюда проистекает *биофобность* (ненависть к жизни в ее различных проявлениях) и *некрофильность* (влечение к смерти) экстремистского текста. Экстремистский текст формирует образ своего реципиента как *несчастливого*, отчаявшегося человека, вынашивающего план мести и /или готового к безрассудным поступкам.

Экстремистский дискурс основан на неприятии, ненависти, готовности к насилию, уничтожению и на идее радикального отрицания принципов человечности. *Дискурс ненависти* выражает личные субъективные негативные и неприязненные представления о ком-то (например, о человеке или народе) и *направлен* на определенную категорию лиц, выделяемую по тем или иным признакам. (Он связан с формированием / сохранением / распространением предрассудков/ предубеждений и, как следствие, со *стигматизацией* отдельного индивида или группы лиц [например, ВИЧ-инфицированных]).

В тесном круге аффектов ауры ненависти к другому человеку деятельное участие занимает *гнев*, динамика которого обусловлена сценарием расправы с объектом ненависти. Вышедшая из-под контроля (когда стадия сдерживания уже полностью преодолена) результирующая стадия гнева предполагает в физической реальности расправу над врагом как главный и единственный источник самоуспокоения [17]. Другой иллюстрацией деструктивной природы ненависти может выступать *самоубийство* как иллюзорный способ самоуспокоения.

Наиболее ярко деструктивное сетевое поведение проявляется в стиле комментирования медиатекстов или «постов» (из англ. *to post* – отправить) на странице в социальной сети.

Как отмечает исследователь Я.А. Волкова, деструктивная коммуникация включает в себя три основных подвида – открытый, скрытый и пассивный [18, р. 461]. Приведенное выше описание текстовых маркеров принадлежит сфере активной, открытой и преимущественно прямой / прямолинейной агрессии индивида в медиапространстве социальных сетей.

Информационное поведение экстремистского ресурса может быть охарактеризовано как включающее в себя злонамеренное искажение фактов и дезинформацию, представленную как в режиме прямой лжи, так и в виде аранжированных новостей. Представляемые в экстремистском ресурсе сообщения носят тенденциозный характер и направлены на разжигание ненависти по отношению к индивиду или социальной группе, причинение материального и морального ущерба оппонентам. Одной из *гибридных стратегий* экстремистского ресурса выступает стратегия *демонизации* образа оппонента, включающая в себя установку на расчеловечивание образа жизни оппонента, преднамеренное и тенденциозное очернение связанных с его жизнедеятельностью событий, внедрение системы клише и стереотипов восприятия оппонента как врага всего здорового, нравственного, истинного. Идеология экстремизма обосновывает насилие как основной способ достижения поставленных целей – «the beliefs and actions of people who support or use violence to achieve ideological, religious or political goals» [19, р. 19]. Дальнейшее развитие глобальной медиасреды предполагает перспективу разработки *индексов экологичности* сетевого ресурса и развития законодательного обеспечения правовых аспектов сетевого взаимодействия.

Согласно положениям Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» выделяются два основных

направления противодействия экстремистской деятельности – «принятие профилактических мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности» и «выявление, предупреждение и пресечение экстремистской деятельности» [20, Статья 3]. Выявленные маркеры поведения экстремистской медиальности могут способствовать мониторингу тенденций к допущению пользователем правонарушений в сетевом общении и проведению профилактики и корректировки медиаповедения индивида средствами обучения и воспитания. Также они позволяют отслеживать медиасообщения с высоким профилем отклонения от нормы и избирать меры пресечения экстремистской деятельности. Правовая оценка и квалифицированное решение означенной группы задач (направление 2, статья 3 [20]) требуют более глубокого анализа медиатекста и семантики его социального послания с учетом ситуации и контекста.

Первоочередными мерами воздействия на представителей молодого поколения, склонных к составлению и отправке текстов и сообщений экстремистского характера, являются *педагогические*. К таковым следует отнести разъяснение обучающимся правил поведения в сети и ответственности за их нарушение, формирование культуры сетевого общения, обучение началам модераторской деятельности в школьных сетях, проведение педагогических бесед, формирование медиакомпетенции обучающихся, включающей в себя умения и навыки анализа и критической оценки контента /план содержания текста/ и смыслов медийных сообщений /план текстового послания/. Психолог в образовательном учреждении должен уметь оказывать профессиональное психологическое сопровождение и поддержку обучающихся, сталкивающихся с проявлениями экстремизма. На настоящий день преждевременно утверждать о высокой эффективности действующих в отечественной системе образования программ просветительских мероприятий по формированию медиакомпетентности индивида как источника профилактики экстремизма. Фронтальный мониторинг уровня медиакомпетенции обучающихся требует (1) системного подхода к ее формированию в образовательных организациях; (2) разработки, создания и широкого внедрения в систему образования унифицированной системы оценки медиакомпетенции, в с учетом поведенческих, социальных и ценностно-смысловых компонентов содержания медиа-коммуникации. Такой организационно-педагогический подход может рассматриваться как способствующий

профилактике проявлений экстремизма в социальных сетях.

Заключение

Медийный портрет индивида складывается на основе сочетания характерных черт его поведения и реконструкции системы его коммуникативных установок в медиапространстве. Нами выявлены и описаны признаки деструктивной медийной личности в сфере межличностного взаимодействия в социальных сетях, проявляющиеся в систематических нарушениях установленных норм и правил, в агрессивном коммуникативном поведении.

Предлагаемый конструкт медийного портрета индивида может применяться для разработки *квазипсихограммы* пользователя социальных сетей, отражающей склонность индивида к импульсивному и деструктивному коммуникативному поведению в социальных сетях и формы его проявления. Означенное собрание черт медийного портрета пользователя социальных сетей также может быть использовано как дидактическое средство объяснения правил корректного поведения в социальных сетях, а также развития группы *soft skills* – метакомпетенций и межличностных компетенций выпускников учебных заведений.

Эффективное решение задачи по профилактике экстремизма в социальных сетях требует комплексного подхода и участия всех общественных сил. Одного только предупреждения об ответственности за нарушение принципов и норм культурной коммуникации недостаточно. Необходим широкий комплекс мер. Педагогический подход к решению проблемы сетевого экстремизма заключается в создании программ предупреждения экстремистского сетевого коммуникативного поведения индивида на основе разработки средств диагностики, мониторинга и профилактики, в формировании у обучающихся метакоммуникативной рефлексии и умений редакторской корректировки медиасообщений, в развитии культуры межличностного общения и медиакоммуникации. Частью программы формирования медиакультуры индивида, включающей умение и готовность анализировать медиатексты, должна стать рефлексия медийного портрета и автопортрета индивида как компонента готовности к метамедийной и метакоммуникативной рефлексии и саморефлексии, выступающей ресурсом профилактики экстремистского коммуникативного поведения.

Работа выполнена при частичной финансовой поддержке проекта РФФИ 18-29-22034 МК и бюджетной темы 0073-2019-0002.

Список литературы

1. Panicheva P., Ledovaya Y., Bogolyubova O. Lexical, morphological and semantic correlates of the dark triad personality traits in Russian facebook texts. IEEE Artificial Intelligence and Natural Language Conference (AINL), 2016. P. 1–8.
2. Кораблина Е.П. Феноменологические методы в психолого-педагогической практике // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2010. № 128. С. 16–26.
3. Федоров А.В. Медиаобразование: история и теория. М.: МОУ «Информация для всех», 2015. 450 с.
4. Богин Г.И. Современная лингводидактика: учебное пособие. Калинин, 1980. 61 с.
5. Sourri A., Hosseinpour S., Rahmani A. M. Personality classification based on profiles of social networks' users and the five-factor model of personality. Human-centric Computing and Information Science, 2018. vol. 8. no. 1. P. 24. DOI: 10.1186/s13673-018-0147-4.
6. Богатырёв А.А. О полилогичности диалога в свете его философского толкования в XX веке // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. 2012. № 1 (1). С. 97–107.
7. Богатырёв А.А., Полежаева А.В. Пугнативы в беллетристическом тексте // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2012. № 1. С. 115–120.
8. Branitskiy A., Levshun D., Krasilnikova N., Doynikova E., Kotenko I., Tishkov A., Vanchakova N. and Chechulin A. Determination of Young Generation's Sensitivity to the Destructive Stimuli based on the Information in Social Networks. Journal of Internet Services and Information Security (JISIS), 2019. vol. 9. no. 3. P. 1–20. DOI: 10.22667/JISIS.2019.08.31.001.
9. Красильникова Н.В., Дойникова Е.В., Ванчакова Н.П. Семиуровневая шкала деструктивных проявлений поведения в социальных сетях для мониторинга деструктивных воздействий нейросетевыми методами // Перспективные направления развития отечественных информационных технологий: материалы V Межрегиональной научно-практической конференции (Севастополь, 24–28 сентября 2019 г.). Севастополь, 2019. С. 304–306.
10. Bansal A., Sharma S.M., Kumar K., Aggarwal A., Goyal S., Choudhary K., Bhasin M. Classification of flames in computer mediated communications. International Journal of Computer Applications. 2012. V. 14 (6). 6 p. DOI: 10.5120/1888-2505.
11. Volkova Y., Dmitrieva O., Bobyreva Y., Panchenko N. Verbalization of hatred in modern Russian language. XLinguae, A European Scientific Language Journal Issue 2. 2018. P. 171–189.
12. Bishop J. Representations of 'trolls' in mass media communication: a review of media-texts and moral panics relating to 'internet trolling'. International Journal of Web Based Communities, 2014. vol. 10. no. 1. P. 7–24. DOI: 10.1504/IJWBC.2014.058384.
13. Бредемайер К. Черная риторика: Власть и магия слова / Пер. с нем. 9-е изд. М.: Альпина Паблишерз, 2011. 184 с.
14. Ribeaud D., Eisner M., Niveße A. Können gewaltbereite extremistische Einstellungen vorausgesagt werden? Forshungsmemo. Jacobs Center for Productive Youth Development, UZH. 2017. 9 p. [Electronic resource]. URL: https://jacobsfoundation.org/app/uploads/2017/04/UZHpub_zproso_de.pdf (date of access: 30.09.2019).
15. Brown A. What is Hate Speech? Part I: The Myth of Hate. Law and Philosophy. 2017. Vol. 36. P. 419–468.
16. Elsner Anna. Medical humanities. Perception of the patient as a person: medical humanities: monograph. Saint Petersburg, 2019. P. 13–18.
17. Koevecses Z. Anger. Emotion Concepts. New York: Springer-Verlag. 1990. 230 p. P. 50–68. DOI: 10.1007/978-1-4612-3312-1.
18. Volkova Y. The category of destructiveness in language and discourse. 5th International multidisciplinary scientific conference on social sciences and arts SGEM 2018. Conference proceedings. Vol. 5. Science and Society. Issue 3.1. 2018. P. 461–468.
19. Preventing violent extremism through education Sustainable Development Goals United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization: A guide for policymakers. [Electronic resource]. URL: <https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/247764e-2.pdf> (date of access: 30.09.2019).
20. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 23.11.2015) «О противодействии экстремистской деятельности». [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-25072002-n-114-fz-o/> (дата обращения: 30.09.2019).